Молодой Грифон

Грохот похоронных барабанов заглушал всё остальное. Вокруг нас мужчины и женщины с более слабыми телами беззвучно кричали, хватаясь за уши и падая на улицах. Это было жалкое зрелище. Я провёл двумя пальцами по правому уху и нахмурился, увидев, что они окровавлены.

— Это кажется излишним, — сказал я Скифасу. Он посмотрел на меня как на простофилю, помахал факелом у своих ушей и покачал головой. — Что за никчёмный культиватор не умеет читать по губам? — Скифас снова жестом показал на свои уши, раздражённый.

Мозолистая, белая как мрамор рука упёрлась мне в грудь, и женщина, с которой я собирался поздороваться, отпихнула меня в сторону. Я почувствовал, как уличный камень треснул под моими ногами, Скифас пошатнулся, когда я попятился назад. Культиватор прошёл мимо нас, что-то пробормотав Скифасу. Он, конечно, не умел читать по губам. Но я мог.

Уйди с дороги, мусор.

Я не мог физически услышать треск, когда моя рука панкратиона, ударила её по лицу, но моё воображение восполнило этот пробел.

Женщина застыла на месте, её лицо лишь немного отклонилось в сторону от удара, которым я несколько дней назад сбросил пирата с корабля. Скифас смотрел между нами, опираясь на заднюю ногу и сжимая свой факел так крепко, что я видел, как от него откололось древко. Барабаны изменили свой ритм, как будто по моему собственному замыслу, поднявшись до кинетически заряженного темпа. Бум, да-да, бум, да-да, бум да-да, бум да да да бум.

Ты смеешь? пробормотала женщина. Что-то подсказывало мне, что даже если бы барабаны стихли, услышать её было бы невозможно. Это был такой тип смертельного шёпота.

Героиня наконец-то уделила мне всё своё внимание. Она была покрыта глубокими шрамами: от ступней, обутых в сандалии, до кончиков изящных на вид пальцев. Они были на тон светлее её кожи, которая сама по себе была мраморно-белой, до такой степени, что казались почти полупрозрачными. Каждый шрам представлял собой ровную линию без зазубрин. Один из них, идущий от затылка до переносицы, был изрезан яростным выражением лица.

Я почувствовал опасность, когда она надвигалась на меня. Её глаза были цвета жара пустыни, земляного оттенка, приближающегося к оранжевому, в которых горело пламя её души. Её героический дух бушевал.

Я шагнул вперёд, чтобы встретить её. Сначала она пыталась подавить меня одним своим присутствием. Две мои панкратионовые руки ударили по вихрям её влияния, разгоняя их, как пловец разгоняет волны. Огонь в её глазах разгорался, а левая рука легла на рукоять клинка, который висел у неё на бедре, сделанный полностью из бронзы.

Нет, тихо проговорил я под барабанный бой. Яростные глаза пустынного пламени прочли мои губы. Ты смеешь. Наложила на меня свою собачью руку, как будто ты стоишь того времени, которое потребуется, чтобы убить тебя.

Её хватка на мече изменилась. Волоски на моей шее встали дыбом.

Ты ведь не знаешь, кто я? спросила она. Как будто это самая естественная вещь в мире, что я знаю. Мы были уже близко, на расстоянии удара её меча, если мне нужно было угадать. Я наклонился, глядя на неё сверху вниз. Я прошептал клятву в безумном громе похоронных барабанов.

Ты женщина, которая испортила мою любимую шаль, сказал я ей. Ты можешь сломать себе спину, работая до конца своей жалкой жизни, и это не составит и половины стоимости этой реликвии.

Героиня посмотрела вниз на золотую шаль, которую старуха подарила мне час назад. На ткани был небольшой разрыв, который она сделала ногтем, когда пихала меня. Она смотрела на него мгновение, и я почувствовала, как токи её влияния пульсируют вокруг него, исследуя его.

Это лохмотья, уверенно сказала она. Ей понадобилась почти минута, чтобы понять это.

Я усмехнулся. У тебя есть глаза. Тогда скажи мне, где находится Олимп Монс?

В периферийном зрении я заметил, как Скифас отступил, его вихри прижались ко мне в бессловесном предупреждении. Я отмахнулся от него, как и раньше. С другой стороны, от влияния Сола было не так легко отмахнуться – оно было больше похожее на прилив, чем на течение. Я отогнал его несколькими ударами рук панкратиона. Назойливый Римлянин, я и сам могу справиться.

В момент между ударами барабана Героический культиватор выхватила свой клинок и ударила им мне в лицо.

Я поймал его девятнадцатью наложенными друг на друга руками панкратиона, и даже так это почти убило меня. Мои глаза скрестились, сердце забилось в такт похоронным барабанам, когда я увидел, как бронзовый край дрожит совсем рядом с моим носом. Мои руки панкратиона не могли быть разрезаны, как настоящая плоть, но лезвие вонзилось в мою душу. Я почувствовал вкус крови, которая не была пролита.

В выражении лица Героини мелькнуло нечто иное, чем ярость. Тот же пристальный взгляд, который она направила на мою шаль, теперь был направлен на меня. Она оценивала меня, не убирая ни клинка, ни силы, стоящей за ним. Она наклонила голову, и каштановые волосы кольцами рассыпались по её лицу.

Это твой предел? произнесла она с оттенком вызова.

Улыбаясь, я ударил её двадцатой рукой панкратиона.

Несколько событий произошло одновременно.

Все восемь погребальных барабанов ударили одновременно, с мощнейшей окончательностью. Каждый факел на агоре вспыхнул, начиная от тех, что держали в руках, как Скифас, заканчивая теми, что потухли на каменных улицах, брошенные слабыми присутствующими, когда барабаны только начали бить. Дым и угли вихрились в воздухе, собираясь в потоки над

нашими головами и сливались в центре агоры, всего в нескольких коротких пробежках от нас. Мы подошли ближе, чем я думал.

В тот момент, когда каждый факел в Олимпии обрёл вторую жизнь, тоже произошло и с огнём в глазах Героини. Это чувство опасности удваивалось и потом удваивалось вновь, подтверждая то, что я заподозрил в тот момент, когда она ударила меня своим клинком. До этого она лишь прощупывала меня. Пыталась подтвердить или опровергнуть моё положение среди неба и земли.

Я показал себя достаточно хорошо, чтобы поставить это под сомнение, а затем ударил её по лицу, осмелившись сказать, чтобы она показала мне всё, на что способна. И сейчас она собиралась именно это и сделать. Это был не самый умный мой поступок. Более мудрый человек проигнорировал бы идеальную возможность, которую она представила, и разрядил бы агрессивную ситуацию с явно превосходящим противником.

Я тот, кто я есть.

Все двадцать моих рук панкратиона разлетелись передо мной, двигаясь слишком медленно по сравнению с техникой, которую готовила Героиня. В ясности мгновения я знал, что не смогу предсказать траекторию её атаки достаточно быстро, чтобы среагировать с полной силой. Я также знал, что даже если удар будет лишь таким же мощным, как и первый проверочный удар, я смогу отвести его, лишь используя всю силу моего намерения панкратиона.

Вопреки самому себе я вспомнил то, что однажды сказал мне мой отец. Это был всего лишь случайный комментарий, сделанное во дворе с семейными прудами в один из безобидных дней моего детства. Я снова сделал что-то опрометчивое, хотя сейчас уже не мог вспомнить, что именно. Вместо наказания он передал мне слова старого наставника – как проклятие.

Нет великого гения без примеси безумия.

Я сделал выпад в удар Героини. Её меч, непрерывное лезвие из кованой бронзы, без труда пронёсся сквозь мои панкратионовые руки. Она завязала узлы в воздухе одним ударом, который занял меньше удара сердца, и на этот раз, когда клинок нашёл моё лицо, не было рук панкратиона, чтобы остановить его.

Но у меня оставалось ещё две руки.

[Солнце восходит.]

Жгучий жар пронзил мою правую щеку. Мои настоящие руки поднялись вверх, оживлённые светом солнца, и ударили по нижней, плоской, стороне лезвия. В сумерках, предшествующих рассвету, когда обе руки поднимаются вверх, эта техника была настолько мощной, насколько это вообще возможно. Она сбила лезвие с траектории, вырвав его из моей щеки, прежде чем оно смогло нанести мне больше, чем косметический ущерб.

Шрамованая Героиня легко компенсировала помеху, повернувшись на ногах и повернув клинок обратно…

[Заря пробивается.]

Двадцать рук намерения панкратиона стали видны невооружённым глазом, когда свет Розовой Зари зажегся по их краям. Глаза Героини расширились, пламя пустыни замерцало, когда она перешла к защитной технике. Все двадцать розовых кулаков ударили в неё под разными углами, и все двадцать были отбиты мерцающей бронзой.

Двадцать первая рука, из настоящей плоти и крови, поймала её меч, когда он взметнулся. Я злобно усмехнулся, когда меч лишь неглубоко прорезал плоть моей руки сквозь свет моей техники. Я наблюдал за её движениями в защитной форме меча и выбрал движение с наименьшей стабильностью, наименьшей силой. Для культиватора её уровня это было всё равно что предсказать, куда упадёт капля дождя. Но я сделал это. И я был прав.

Я повернул талию и дал ей двадцать вторую ладонь.

Удар ладонью пришёлся ей в центр груди, отбросив её назад. Её ноги прорыли борозды в камне. Она стиснула зубы, в глазах пустынного жара застыло понимание. Я вернул её первый проверочный толчок обратно ей. Героическая пневма поднялась. Я глубоко вдохнул, кровь бурлила в моих венах.

Сол ударил её Гравитасом, и через призму моего нового софического чувства её словно смыло приливной волной. Она пролетела сквозь толпу, выкрикивая проклятие, которое, как я вдруг понял, можно было услышать в отсутствие барабанов.

На мгновение я не двинулся с места, застыв в своей позе. Я чувствовал на себе взгляды, но их было не так много, как могло бы быть. Барабаны прекратились, но большинство людей вокруг нас всё ещё были ошеломлены и в их молчании. Перевозбуждённые Философы и высокомерные Граждане, подлетевшие слишком близко к солнцу, сгрудились на земле, зажав уши руками в агонии. Я выпрямился, медленно выдыхая. Я чувствовал себя хорошо.

Я хитро улыбнулся Солу, когда он подошёл. В его глазах была буря, которая означала, что грядёт что-то интересное.

— Я думал, мне придётся выкрутить тебе руку, — сказал я ему, проводя большим пальцем по порезу на щеке. Он был не достаточно глубоким, чтобы оставить шрам. Почему-то это разочаровало. — Но ты начинаешь драки за меня.

— Это не я дал ей пощёчину, — сказал он раздражённо. Его взгляд был отстранённым, сосредоточенным на том, чего я не мог видеть. — Для следующего боя я хочу, чтобы ты отработал новый приём.

— Хо? Конечно, мастер. Этот скромный софист здесь, чтобы учиться.

— Это древняя добродетель, переданная мне от моего отца, а ему – от его отца.

Вопреки самому себе, мне стало интересно.

— Этот ждёт твоей мудрости, — сказал я формально. Сол хмыкнул, отмеряя свои следующие слова с серьёзностью прилива.

— Это называется дипломатия.

Я фыркнул, отпихивая его от себя. Он посмотрел на меня с серо-штормовым весельем, а затем полностью сосредоточился на культиваторе, который приближался к нам. Герой, носящий крокодила. Я напряг все двадцать две руки. Две руки из плоти жгло, из неглубоких порезов медленно текла кровь. Двадцать моих рук из намерения души тоже жгло, и я выплюнул вкус их крови изо рта.

— Ты не вытащил меч, — пробормотал Скифас. Он смотрел на толпу, в ту сторону, куда улетела Героиня, но слова его были обращены ко мне.

— Конечно нет, — сказал я, не обращая внимания на то, что я трижды чуть не умер. Я положил кровоточащую ладонь на рукоять дядиного клинка. Он гудел как молния. — Она была недостойна.

Гигант Герой вышел из толпы, перешагнув через дрожащую семью культиваторов, одетых в одинаковые туники цвета индиго и прижавшихся друг к другу подальше от затихающего эха барабанов. Его кожа была лишь слегка загорелой, но обветренной. Его челюсть была квадратной, грудь широкой и сильной. Его волосы были почти такими же тёмными, как у Сола, но длиннее и лохматее. Под крокодиловым плащом он носил голубые одежды цвета океана, выбеленные солнцем почти до белизны.

В отличие от Героини, он не сделал ни одного движения, чтобы напасть. Он рассматривал Меня с Солом и Скифасом рядом с нами.

— Невежливо начинать драку во время похорон, — наконец сказал он.

Мы с Солом переглянулись. Он произнёс "дипломатия", как будто это я призвал их к нам.

— Согласен, — сказал я, протягивая ему окровавленную руку. Он взял её. Он был всего на голову выше нас с Солом, но его рука затмевала мою. И сила его хватки соответствовала размеру. Я вцепился в его руку, весело улыбаясь сквозь боль.

— Меня зовут Грифон, а это Сол. А тебя как зовут, друг?

В центре агоры началось песнопение. Собранные там дым и угли поднялись в небо, приняв форму колоссальных пальцев. Пепельная рука тщетно тянулась к небу. Похороны перешли в новую фазу.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3190731